

Игорь

ЕРОФЕЕВ

**НЕБА ТОНКИЕ
УЗОРЫ**

Игорь

ЕРОФЕЕВ

**НЕБА ТОНКИЕ
УЗОРЫ**

Стихотворения

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
Е-78

В оформлении обложки использованы фотографии
Р. Р. Ситдикова и Г. В. Каштановой-Ерофеевой

Ерофеев, И. В.

Е-78 Неба тонкие узоры: сборник стихотворений / И. В. Ерофеев; ред., авт. послесловия Г. В. Каштанова-Ерофеева. – Калининград: Страж Балтики, 2010. – 128 с.
ISBN 978-5-91728-017-2; Б.ц., 300 экз.
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44

ISBN 978-5-91728-017-2

© И. В. Ерофеев, 2010

ОТ АВТОРА

Как платоновскому рыбаку из романа «Чевенгур», страстно желавшему «пожить немного в смерти», а потом вернуться и рассказать о том, что видел, сыну, мне всегда было интересно – так ли безбрежно и необъяснимо небо? Причём никогда не мечтал о какой-либо крылатой профессии – просто хотелось знать, и всё: почему это наши души обязательно отправляются на небо? Не уютнее ли им на земле?..

Герои стихотворений, вошедших во второй поэтический сборник, тоже задумываются над вопросами, которые мы называем «вечными». Только в повседневном своём существовании о том почти не рассуждают: им надо работать, служить, воевать за правду, растить детей, отвечать за слабости, просто жить...

Хотелось бы, чтобы мои стихи оказались созвучными чьим-то настроениям и хотя бы в какой-то мере помогли очистить сердце от «накипи»...

Неба тонкие узоры,
простынь белого дождя.
Растеклось широко поле
по размашистой неволе
в царстве вечного вождя.

Ни конца нет и ни края
у сибирской заметы.
Принесла беда в подоле
в доморощенной юдоли
страх – по старой памяти.

Нараспах душа шальная,
нарасхват примерный Бог,
как единственный мессия
в бесконечную Россию,
грех которой – не предлог.

Перемётною дорогой
как-то что... ни то ни сё...
И давно идут не в ногу
с православною острогой
русские... И этим – всё...

Здравствуй, мамка!
Здравствуй, Катя!
Всё нормально,
я в санбате –
аккурат восьмого дня
и ударило меня:
прямо на именины
взвод попал на мины...

Спеленали сейчас меня,
как стреножного коня:
ни вздохнуть, ни... знаешь, что...
Только руку вот почто
лекари отняли?
Был я без сознания –
вот и подгадали,
откромсали до плеча.
Как такой теперича?
Ни косу не взять, ни вилы...
Как в хозяйстве-то вполсилы?

Правда, в остальном – живой...
Скоро, говорят, домой:
знамо дело, не солдат –
не поднять и автомат.
А намедни передали,
что представили к медали...

А Петро, второй мой номер,
от потери крови помер:
жизнь – она ж такая штука,
ей молитва не наука...
Всё хранил с собой иконку,
перекрестится в сторонку:
«Боженька меня хранит!» –
и вот на тебе, убит...

А моей не говорите –
что-нибудь с письма наврите:
ну её, Тамарку, к ляду...
Может, справят мне протез –
за баранку сяду.

...Я то что? Другие вон
на культяпках в хату.
Поломала жизнь война
русскому солдату...

Вы там шибко не горюйте:
я в здоровой форме,
и кормёжка неплохая –
хлеб и сахар в норме.
Самодетальности
наезжают часто...
Наши в Пруссии уже –
скоро немцу баста!..
Марк Бернес здесь выступал –
аж слезу пробило:

вроде бы всего лишь песня –
а какая сила!..

Батя жив: письмо пришло
где-то из-под Минска.
Переводят их рембат
в Первый Украинский...

Интересно, есть ли наши,
кто вернулся с фронта?
Это правда, что погиб
Ванька Ферапонтов?
Как терпели под фашистом
вы такое время?
Фриц же пол-Полесья, гад,
сжѐг к ядрене фене!..

Счас пишу, а сам не знаю,
помер кто, живой?
Возвернусь, а вместо дома –
только печь с трубой?..

Наш район уже давно
вышел с оккупации...
Как же я хочу прижаться
к нашенской акации!..
Да сходить на Веркин дол,
полежать в траве...
Здесь с тоски дрянные мысли
только в голове...

Что-то я совсем раскис...
Почерк-то не мой:
хорошо, сестричка Валя
пишет всем домой...

Крепко всех люблю, целую.
Ждите под апрель:
привезу галет, тушёнку
и отрез – фланель...
Век, что ль, убиваться мне
с пустого рукава?
Главное – страна б стояла,
мать была б жива.
И Победа бы скорей –
Гитлеру хана...
Да чтоб внуки не забыли,
что была когда-то в мире
страшная война.

* * *

Несмышлёный ручеёк
тёк
под задумчивой горой –
ой! –
тёр о шёлковый песок
бок
и скакал между камней –
эй!
Он резвился и звенел,
пел,
щекотал горы живот –
вот,
вниз стремительно летел,
смел,
закружил водоворот –
рот,
рассыпался в водопад,
рад,
и с рекой продолжил путь...
Будь!

* * *

Не рисуется круг от руки...
Дома нет ни стакана муки...
Уходи, новый день, с глаз
враз...

А вчера Сашка, якобы друг,
двух привёл с собой пьяных подруг.
Принесли тёплой водки и хлеб...
Склеп...

На столе, на полу – пыль.
Из окна наверху – Хиль.
Унесло потолка плот
от...

И недолго так до беды.
Никого, кто подал бы воды.
Сам себе стал свидетель и враг...
Мрак...

Нету Богу в душе угла...
Затопила Россию мгла...
И сбыла вот судьба вдруг
с рук...

ЧЕЛОВЕКУ...

Слова человеку – тратить.
Дни человеку – течь.
Дом человеку – помнить.
Гора человеку – с плеч.

Душа человеку – вечность.
Любовь человеку – свет.
Земля человеку – строить.
Война человеку – нет!

Смерть человеку – плаха.
Отец человеку – чтить.
Беда человеку – сваха.
Сон человеку – зрить.

Господь человеку – вера.
Мать человеку – нить.
Судьба человеку – мера.
Человек человеку – жить!

ЛЕЙТЕНАНТ КРУГЛОВ

Натекло в окоп воды,
на ногах пуд глины.
От пяти взводов осталось
меньше половины.

Магазин и две гранаты
дали для атаки.
– Немец что-то замолчал...
– Жрут поди, собаки...

Впереди часовенка –
без стены, нагая.
Метров триста до неё –
мама дорогая!..

– Ничего, братва, пробьёмся!
– Ясно, лейтенант...
(Месяц, как дерёмся вместе,
а храбрец, талант!)

Дождь опять пошёл некстати –
сильный-то какой!
– Ну, ребята, поднялись!
Не робеть! За мной!..

Дождь полил как из ведра –
ничего не видно...

А часовню мы отбили –
то-то не обидно!

Слава господи, живой,
руки лишь дрожат...
Шесть бойцов и лейтенант
по холму лежат...

– Окопаться с интервалом
метров через пять!.. –
и добавил старшина:
– А ребят – собрать...

Схоронили в глинозём
прямо за оградой –
под одной для всех звездой
положили рядом.

Наслюнявив карандаш,
крупно написали:
«Семь гвардейцев здесь героически
за деревню пали:

рядовые Нечитайло,
Черышев, Седов,
Губаридзе, Ковш, Галямков,
лейтенант Круглов.

Сорок третий год. Ноябрь,
третьего числа».

Только надпись от дождя
сразу потекла...

– Нам теперь держаться надо:
наши здесь лежат.
Фриц повыдохся совсем
и к реке прижат...

...Натекло в окоп воды,
на ногах пуд глины.
Без стены стоит часовня
в центре Украины.

Мы ушли – они остались
в мире вечных снов:
шестеро бойцов пехоты,
лейтенант Круглов.

* * *

Г.

Тихий омут тёмных комнат
оглушает свет луны.
У любви, двоим знакомой,
цвет оранжевый хурмы.

В полумраке циферблатном
телефон взорвался матом.
Мы не слышали, не встали:
пополам журнал листали –

и, в предчувствии искусства,
тишину сломали с хрустом,
загорались в простынях,
вниз по хлопку на санях...

И, запутавшись в движеньях,
в зеркалах без отражений
серебро течёт под плинтус:
в этом факте – нежный синтез...

На моей груди порожней
головой уснёшь тревожной,
пальцами умножишь страсти:
твои руки – чувства снасти...

Ты обыденно легка.
Платье морщится с крюка.
Из разомкнутых объятий
сердце рвётся в облака, –

но останется навеки,
как крови живой слуга...
Мы проснёмся в новом веке,
где желанные луга.

За лугами, за долами
земли стелены телами,
сведены здесь Парфюмером
гибель и любовь к барьеру, –

но над всеми впереди
сам Господь с теплом в груди...
Крест нательный в простынях,
на пуховых на углях.

Солнце сузилось с окно.
Мыслей новых толочно...
И наткнулись мы глазами
в дня рожденья полотно.

Ты оденешься знакомо.
Лампы голой глаукома...
Ты запомнилась в меня
томной ночью трудодня.

ОСТАЛОСЬ...

Осталось небо, и осталось солнце,
страна осталась, сжатая в режим.
Остался дом – разбитое оконце –
и в поле полом одинокий дым.

Осталось всё, что так и не увидел,
остались все, кого не повстречал...
И жизнь свою, как все, я не предвидел,
но, как никто, – на Бога накричал...

Осталась недописанная строчка,
осталась под крестом родная мать.
Осталась неродившаяся дочка –
как на руки хотел её поднять!

Осталась и любовь, которая осталась, –
берёт её, глупец, «на чёрный день».
Осталось всё, что раньше не досталось, –
что, правда, «доставать»-то было лень.

Остались несущественные беды,
обида, неудачи и грехи.
Осталась жизнь, которую бы смело –
была бы воля! – начал от сохи.

Осталось мне уйти погожим летом,
когда искрят цветные родники.
Осталось мне наполнить душу светом,
забрав с собой тепло твоей руки.

* * *

*Не хватило ночи,
не хватило дня,
не хватило ласки...
– Не хватай меня!..*

Не хватило страха, чтобы не уйти,
не хватило воли бросить по пути,
не хватило денег, чтобы занимать,
не хватило мира, чтоб не воевать,
не хватило правды, чтобы не стрелять,
не хватило крови, чтобы проливать,
не хватило чувства, чтобы не любить,
не хватило грусти, чтоб тебя забыть,
не хватило Бога, чтобы не сгорать,
не хватило смысла, чтоб его терять,
не хватило жизни, чтоб тебя найти,
не хватило хватки, чтоб себя спасти,
не хватило нервов, чтобы не стареть,
не хватило смерти, чтобы умереть...

* * *

За собой, моя родная, поведу –
так уж писано, наверно, на роду, –
ну а если будет трудно – пособию.
Я люблю тебя – ты слышишь? – я люблю...

Сердцу больно, сердце бьётся на восток.
Ты мой Богом охраняемый цветок.
Пусть и трудно в незажитой тишине,
ты – победа в незаконченной войне.

Как секунды незаметные в часах,
мы любовь свою попрятали в глазах.
Разминулись мы когда-то на земле,
чтобы встретиться на ангела крыле...

Я РОДИЛСЯ РУССКИМ

Я родился русским
на... чужой земле
незнакомым утром
в сонном январе.

Как всё было точно,
вспомнить не берусь, –
мать меня носила...
Вынесет ли Русь,

хорошо, своих бы –
так кого не лень?..
Ишь, какая фифа –
шапка набекрень!

Всем – второй родитель,
и потом – судьба:
что бы ни случилось,
всё равно любя.

Не надорвалась бы
тяжестью любви!
Пропадём – так вместе:
всяк, одной крови!

Отгоняя беды,
бьём в колокола, –
толку, что горели,
на зубах зола.

Отступали к храму –
вышли на пустырь,
чёрная тревога –
белый монастырь,

жили за идею,
жали на износ...
Где же путь запасный,
славный паровоз?

Накричались вволю –
аж до хрипоты,
разводили репу –
развели мосты,

заварили кашу –
замели следы...
Кто ж у нас, мать вашу,
намутил воды?!

Строились с размахом –
как всегда, на глаз,
рубим – одним махом,
пьём – так всё зараз,

выпили – запели:
«Ой, мороз, мороз!..»
Грустью окосели,
пьяные от слёз.

Соловей-разбойник
лёгок на рожон,
город мой – покойник –
страхом заражён,

Ванька – либо встанька
или же дурак...
Натопить бы баньку
да кваску б черпак!..

Русский – значит много:
поле – не объять, –
колеёй дороги
нечего терять.

Русского – полмира.
Русский – навсегда.
Только быть счастливым
русскому – беда.

То, что нам по нраву,
за морем – предел, –
русскому терпенью
есть ещё задел.

Потому боятся
нашего меча –
если уж приложим...
Кровь-то горяча!

Всё-то здесь некстати
или не для всех...
Так кого же к стенке –
этих или тех?

Подавился вздохом,
поперхнулся сном...
Всё у нас с подвохом
или же вверх дном.

Довели до ручки,
батюшки мои:
занимал чужие –
отдавать свои.

Не идут колёса –
ну и глухомать! –
ни жердей, ни тёса...
Строить – не ломать.

Так уж получилось,
созданы мы так:
планов-то на рубль –
дела на пятак...

Я родился русским,
около шести...
Велика Россия...
Господи, прости!

Нам нравится всё, чем травятся,
и падаем, если вниз, –
и есть ли какая разница –
в ад или парадиз?

Нам кажется, всё уляжется
и можно ещё терпеть, –
а может, когда и скажется...
Куда тут ещё глупеть?!

Вот мы от себя и прячемся,
когда уж совсем беда,
и в душу порою плачемся,
пытаясь стереть года.

Только всё оказалось проще –
хотелось нам или нет, –
и от самой Марьиной рощи
тянется крови след.

И к дощатой пустыне жизни
дни прибиты порой внахлест,
в сердца стеснённой призме –
несчастья наперекрест.

Заповедная неизвестность...
Душит душу месье Верлен...

Это родина или местность?
Это я или некий N.?

Это город мой или стены?
Это боль моя или крест?..
Ржавых труб водосточных вены
да печаль домотканых мест...

И живём мы с беспечной тоскою,
но за верой торопимся в храм,
чтоб сердца задышали покоем,
чтобы Бога читать по губам.

ДВА ГОРОДА

Город мы построили
сверху Инстербурга –
с необычным ликом,
с русской душой.

Вымощены улицы
с точностью хирурга,
вылущены окна
в белый свет большой.

Здесь и островерхое,
красночерепичное:
вроде бы чужое –
вроде бы своё.

Здесь и угловатое,
массово-фабричное:
пусть оно невзрачное –
наше ж топорьё.

Здесь ужились замок
с памятником павшим
и стоят напротив
школа и собор.

Здесь кресты солдатам,
с Богом жизнь отдавшим, –

мы не вправе ставить
это им в укор.

Общая здесь площадь
с лобным пьедесталом
и дома на улицах
в шрамах от людей.

Здесь сама природа
от всего устала –
больше нет на озере
белых лебедей.

И живут два города,
скованных судьбою,
со своею правдой,
со своей бедой.

Их реки Анграпы
не разлить водою –
но и не связать их
медною трубой.

Безнадёжье, бездорожье –
ни проехать ни пройти, –
колеи да буераки...
Быть беде, как ни крути.

Заблудившись, отрезвели,
не пройдя и полпути.
Хоть бы лай какой собаки,
хоть бы лучик впереди.

А кругом – глухое поле.
Сотни звёзд в ночи подоле
освещают торный путь.
Мы придём... куда-нибудь.

А пока меня неси
ветерок по небеси,
где Господь сам наблюдает,
как бедуют на Руси,

как теряются и плачут,
терпят как и горько пьют,
но любовь в душе значат
и по памяти живут...

Даже будь за всё в ответе,
даже не попав в струю, –
я б из всех красот на свете
выбрал Россию мою!

А деревья растут, как дети,
на всём завершённом свете
под огромным неспешным небом –
до него им никак не достать.

А они подставляют шеи
под снега, дожди, суховеи, –
им хотелось бы стать выше,
но они не умеют спать.

Только скучно им жить на месте,
даже если вырастут вместе, –
так и тянутся рядом к солнцу,
и земля им – общая мать.

И порою не всё так просто, –
пусть и разного все роста,
их распилят на сваи и доски,
на гробы и дитя кровать...

А деревья живут, как дети,
на всём методичном свете,
чтоб корнями своими землю
растревоженную согреть.

СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ...

Сколько людей – столько петель,
в которые вдеваются пуговицы голов
под галантерейные удавки узлов
платков и галстуков,
а нередко и верёвок.
Раз ты не был в жизни ловок и хитёр –
сам не заметишь, как угодишь на костёр
и шея уже стянута под кадышок,
а на голове чёрный мешок:
– Так вышло, дружок!..
А город мой всей грудью на холмы лёг,
каждый день, как кулёк, одинаковый,
штиль пылевой на тротуарах знаковый,
дороги развязные в стороны разные вытекают,
дома от света электрического икают –
в них дни наши безвозвратно тают...
Кому – плевать, кто – латает,
а счётчик земной знай себе мотает, –
вот и получается:
 то – галоп, то – самотёк...
– Что толку от жизни такой, Витёк?!
Давай по пять капель...
А на общем небе – зари кровоподтёк...
И есть ли смысл дни подкрашивать
 надеждой и верою?
Всё равно им оставаться безнадежно серыми.

И катится жизнь наша на ободах
 да на ухабах стучит,
а товарищ Ленин
 хитро щурится с постамента, молчит,
а сердечко табельное болит,
и нет уже женщины лучше Лилит,
а в сковороде кровати
неизвестно, кто скажет: «Хватит!» –
может, тот, кто больше платит?
Но время идёт под шумок как попало:
бывает, остановится,
 а то стрелке секундной
 заданной скорости мало...
Сколько людей – столько ролей,
и не меньше закулисных драм –
в каждой провинциальной дыре
есть свой Нотр-Дам
и оскаленная «Ла Скала»...
Сколько же можно пить,
причём что попало?..
– Эй, братан, где тут купить?
– На Строительной – прямо, два квартала...
А в дверях уже билетёры –
тоже, кстати, актёры,
только уставшие,
наверно не спавшие, –
подходящим всё подойдёт,
лишь бы кривило рот.

А в подъезжающих колесницах
пажи и типажи – навывпуск лица, –
по глазам видно: за любым гаражом
 для них Монмартр и Ницца, –
а в руках-спицах
на закуску омар да корица...
Водка ли – не водица?
А что тогда?
 Что скажешь, мать наша – столица?
Нет от неё ответа,
как и лета.
Зато осень –
месяцев восемь,
остальное – зима.
С тоски бездельной сходим с ума,
тело – души тюрьма,
не кровь – а сурьма...
– Что с нами происходит, ма?..
Перепутались дней числа,
я – ведро, ты – коромысло,
а колодец – за тридевять земель,
а водовоз тутошний – Вильгельм Телль...
Вот что значит – отвернуться от Бога...
 Или – Он от нас?..
У колоколов уже на языках оскомина,
а мы ходим мимо,
сгорбив спины,
потому и живём в последний раз,
а те, кто в храме, – дольше,
 даже если попадут под «КрАЗ»...

Но я верю, что всё на любви сойдётся,
и для нашей земли дорога найдётся,
если она сама от себя не изойдётся,
и то, что было напрочь, – прочь сгинет.
Замажем дыры соломой на глине,
заборы поднимем
и снова ждать станем...
когда
 на берег неба,
 может быть, и ступит,
пригожим утром
 или в непогодь,
для всех людей,
 что разминулись с Богом,
с венцом из роз
 взаправдашний Господь.

ЛЮБОВЬ БЫВАЕТ

Любви бывает много или мало,
она бывает раз и навсегда...
Она погибнет, если – вполнакала,
а там, где без любви, – живёт беда.

Любви подвластны города и страны,
болеют ею даже на войне,
и были жертвами её тираны...
Её мишенью быть пришлось и мне.

Любви безмерной целой жизни мало –
не в каждой помещается груди...
И ненависть – на шаг всего отстала,
а вот безумство – в шаге впереди.

Она боится скорых оправданий,
слегка прикрытой словесами лжи...
И счастья больше в ней или страданий?
И что – реальность в ней, что – миражи?

Любви земной – запас не беспределен,
любовь небес – по выбору Христа...
Но, так как мир
на жизнь и смерть поделен, –
начнись любовью с чистого листа.

* * *

Снежный, нежный,
тихий вечер,
посажёная луна.
Сосен свеч немое вече,
пуховая целина.
Невесёлая повозка,
скрип полозьев,
конный храп.
Снег искристый серебрится
на иглах еловых лап.
А дорога-недотрога –
от деревни до села...
И зовут на землю Бога
из церквей в колокола.

ИНСТЕРБУРГ

Батальон сражался за город,
в котором не было птиц, –
вместо птиц в нём летали пули
и души упавших ниц.

А души теряли лица
и цеплялись за провода –
разлетелись от грохота боя
Божьи ангелы кто куда...

А город чернел от боли,
и лопались окна глаз...
Батальон усилием воли
выполнял боевой приказ.

И горели мосты и крыши,
и горел весь объятный мир...
От осколка в груди кончался
молодой ещё командир.

Матерился, скрипя зубами,
проклиная чёртову мать:
– За какой-то немецкий город
так не хочется помирать...

– Ничего, капитан, прорвёшься!
– Да какое – с такой дырой?..
– Не с такими ещё ребята
возвращались, бывало, в строй.

– Ладно, всё, лейтенант, я понял...
А теперь, я прошу, иди –
да накрой-ка меня шинелью, –
дай я лучше помру один...

Враг цеплялся за каждый выступ –
мы сражались за всю страну.
И мы приступом шли на приступ –
нам не нужен был враг в плену.

И чадили чужие танки...
Из костёла смотрел Иисус,
как людей убивали люди,
как от крови вошли во вкус...

И страдал контуженый город
от нелепой своей судьбы,
догорали в снегу, как свечи,
вековые его дубы,

из ладоней горящих улиц
пальцы вырваны фонарей...
И прицельно «фаусты» били
из разбитых насквозь дверей...

Батальон истекал за город
с искорёженной душой, –
он для жизни совсем малый,
а для смерти – такой большой.

Пал под ним капитан Климишин
и погиб лейтенант Большов,
и в России осталось больше
на пять тысяч солдатских вдов.

И без них уже брали Прагу,
штурмовали без них Берлин
и рейхстаг озаглавлен флагом
за Москву, Ленинград и Клин.

А военная жизнь – без правил, –
Марс, конечно, не Демиург...
...Души русских солдат остались
в небе города Инстербург.

* * *

Ветер – кречет,
ветер лечит
от тоски.
Сердце – бьётся,
сердце рвётся
на куски.
Город – крыши,
город в нише
из камней.
Солнце – дышит,
солнце свыше...
до корней.
День – тенёта,
день полёта
над землёй.
Вечность – манит,
вечность канет
попынью.
Честь – по чести,
честь по жести,
как уж Бог...
Путь – дорога,
путь – тревога
из-под ног.

Где-то – счастье,
что прижилось
 в глубине,
в равнодушной
до удушья
 стороне,
где-то – Боже,
предположим,
 не распят,
где-то – родина
с родиной
 хрипят,
где-то – племя
с обострением
 души,
где-то – место
с осознанием
 глуши,
где и я –
среди домов
 и домовых –
был когда-то...
или якобы
 в живых...

* * *

Мои глаза мешают видеть,
как смерть идёт со стороны, –
снаружи душ она заходит,
чтобы терзать немые сны.

Мороз и ветер лизут лужи,
лёд превращая в серебро.
Грусть и тревога хоровают,
и на сердце – тоски тавро.

Похожи дни, похожи зимы,
и в реку снова вмёрз баркас.
Ты назвала меня «любимый»
в последний раз, в последний раз...

Из искры возгорелось племя
с одной разрозненной судьбой.
Устал тянуть я Божье бремя,
нам отведённое судьбой.

И не жалею, и не каюсь
о жизни, пущенной в расчёт, –
и за грехи мне Бог, признаюсь,
уже представил строгий счёт...

БРАТ

Взвод из боя вышел ночью,
потеряв шестнадцать душ:
неприметный прусский хутор –
четверть дня кровавый душ.

Взрыт подлесок миномётом,
танки чёрные горят.
Хоронили мы в воронку
наших умерших ребят.

Вместе с нами воевали
братья-псковичи Седых.
Во вчерашней переделке
был убит один из них.

Ёжась в серые шинели,
на сырые горбыли
пленные бросали в яму
комья мёрзлые земли.

Фрол Седых стоял безмолвно,
крепко сжавши автомат:
сердце яростью кипело
за пострелянных солдат.

За погибшего Федота –
брата младшего его:

«На кого теперь остались
двое деток у него?»

Что теперь скажу я дома?
Почему не уберёг?..
Самого хоть миновало, –
живы будем, дай-то Бог...

Ничего брат не боялся,
заслужил два ордена,
а теперь в земле лежит
далеко от Родины...

На глазах с гранатой
в полный рост Федот
бросился отчаянно
на немецкий дот.

И когда стал отходить –
вижу до сих пор, –
долговязый офицер
застрелил в упор...»

А назавтра по приказу
рядовой Седых
конвоировал в тылы
пленных пятерых.

Долговязый офицер,
четверо солдат –

каждый невиновен,
каждый виноват.

И от горя горького
где-то у ложбины
выстрелил не целясь Фрол
в их чужие спины...

В тот же день красноармеец
третьего полка
прямо в роте арестован
фронтowym «чека».

Он приказ не выполнил
(офицер убит),
в ожиданье трибунала
в камеру закрыт.

А наутро часовой
в роту доложил –
на себя боец Седых
руки наложил:

«Захожу, а тень качает
ветер на стене:
ночью он себя повесил
прямо на ремне.

На двери гвоздём коряво
написал солдат:

“Вы меня простите, братцы,
я не виноват”...»

Так война закончилась
для двоих бойцов.
Не дождаться детям их
по домам отцов:

положили головы, –
Бог судья для них...
...Плачет мать солдатская
за сынов своих...

Жизнь – это долгая песня,
она как Красная Пресня –
вся из завалов и баррикад,
окольцованная МКАД...
Ну а чтобы полегчало –
начинаем её сначала,
как всегда, в понедельник,
пока время – подельник, –
и, понятно же, напрасно...
Но жизнь – прекрасна,
и так хочется верить
и весну на себя примерить...
Да жена опять недовольна,
сын только по стойке «вольно»,
и печень уже «шалит»,
и сердце что теодолит –
давит массой жизни к земле,
а в хищном небе – луны желе...
Жизнь – это контурная карта,
где есть и Вегас, и Спарта,
и твой на обочине город,
и множество белых пятен
в текущей судьбе вмятин...
Куда деваться-то без Бога? –
Всё ж душе подмога.
Нет же – своими силами,
а потом, брат на брата с вилами,

давай всех под одну гребёнку
и по головам красную филёнку, –
и то лучше, чем затылок зелёной...
Жизнь – это открытие,
и у каждого свой патент
на рождение и вскрытие...
Кажется, идти ещё подо льдами, –
а уже всплытие, воздуха мало,
суетимся, и душа от тела устала –
либо наоборот, – опять же, дело «встало»...
– Вот бы свою виллу или бунгало
да любовницу-модель!..
– Ну и что это будет?
Бордель?..
Пусть уж всё как есть:
подъём на работу в шесть,
по праздникам салат мясной и шпроты,
весь наш мир – квартирные соты,
и опять заботы, заботы, заботы
что рваные колготы:
копятся и копятся, а выкинуть жалко...
Жизнь – это каменный остров,
у которого дрейфует судьбины остов...
И пусть в небо нет ни лестниц, ни мостов,
над головой – ангела апостроф,
за ним – след любви пунктирный, –
хотя крылья потрепаны
и вид у него трактирный,
а какая-то душа живая рядом
с прозрачным взглядом

кружит, цепляется за фонарь...
Как назло, на улице такая хмарь...
Жизнь – как отрывной календарь:
и тебя оторвут когда-то,
храня очерёдность свято, –
и взлетишь ты над миром листком
или взойдёшь ростком.
Мысль не нова,
но это уже следующая глава...
А пока – оживляй свою жизнь,
сливайся с ней поутру.
Не всё нам здесь,
конечно, по нутру –
однако такая уж у нас с тобой
life точка *tu*.

ПОЧЕМУ?

Всё вокруг – из «почему?».
Почему Кавказ в дыму?
Почему, что было общим,
вдруг досталось одному?
Почему воды нет в бане?
Почему бурда в стакане?
Почему нет ни гроша?
Почему болит душа?
Почему нет в доме света
и не видно ни шиша?
Почему смеёмся плача?
Почему не дали сдачу?
Почему страна что кляча –
без кнута и не пойдёт?
Почему поносим Бога
и опять идём не в ногу?
Почему крива дорога?
Почему «и так сойдёт!»?
Почему в квартире газ
утром был – в обед погас?
Почему муж-референт
в двадцать восемь – импотент?
Почему так долго терпим
над собой эксперимент?
Почему молчит нарсуд?
Почему от страха зуд?
Почему одним «навстречу»,
а других везде «пасут»?

Явно пользы будет больше –
поживём, глядишь, подольше...
И из гадкой утки Русь
 белой лебедью предстанет,
 и взойдёт на поле рожь, –
только пахаря не трожь!
– Ну, ты, парень, блин, даёшь!..

ОДИН

Я пораненный солдат.
У меня шинель до пят.
На груди земли лежу,
в небо звёздное гляжу.

Взмыла красная ракета –
ни ответа ни привета.
Где свои, а где враги?
Кровь сочится в сапоги.

Только ангел надо мной
под распахнутой луной –
он накрыл меня крылами,
чтобы боль привыкла к ране...

Бой ушёл за переправу,
берег левый... Боже правый,
кабы не твоя забота –
полегла б вся наша рота...

Говорят, душа живая,
пусть в ней рана пулевая...
Покалечен на снегу,
на откосом берегу, –

не досталось мне победы,
позаброшен, позабыт...
Где-то матушка седая...
Ты меня прости, родная:
я не ранен, я – убит.

Спит в огнях усталый город:
лабиринты переулочков,
горбыли домов откосых,
труб фабричных городки, –
серой кошкою прижался
к животу больной реки.

Звёзд над ним цепное поле
с люстрой Млечного Пути –
город в ночь надсадно дышит:
затянули грудь мосты,
патронташ трамвайных линий
да могильные кресты.

В полом теле городища
всем людским калейдоскопом
в облюбованных углах
ждать легли другого дня, –
только мне сна не досталось:
разделили без меня.

Солнце вырвется под утро
из капкана горизонта,
и взорхнет лучами землю,
и расцветит витражи...
А разбуженные дружно
потянулись в гаражи...

Небритый вагон метро,
утренняя толчея.
Угрюмая плоскость лиц,
где-то в толпе и я.

Поезд строго идёт на юг,
где поверхностный спит край.
А вокруг – тишина глаз
и открытый в земле рай.

В переходе – оплывший свет,
нержавеющие силки,
эстакады тяжёлый след,
переплёт силовой руки.

А за окнами – провода –
сухожилия чёрных гор, –
Людям мало теперь жить
в глубине восковых нор.

Но состав сбился с пути,
затерялся в схеме кольца.
Я в тоннеле увидел лик
ненамеренного Творца...

И до выхода в полный мир
есть ещё пять минут льда,
чтобы ленты стальной жгут
нас рассеял кого куда.

* * *

Растревожилась тревога,
разметелилась метель,
в царстве сумрачного Бога
двери сорваны с петель.

Край мой облачный потрачен,
грусть-тоска сдавила грудь, –
нам небесный путь назначен
либо адовая жуть?

Затекло обидой сердце,
запеклась в душе беда, –
если вдруг – так против шерсти,
если что – «иди сюда!».

Здесь бы выровнять дороги
да унять бы дураков
и поднять с колен на ноги
всех окольных мужиков.

Перебили – перебьёмся,
посадили – отстоим,
добивали нас – добьёмся, –
будет всем, а не «своим».

Не суди людей напрасно –
им досталось от себя,

кто здесь свой, чужой – не ясно, –
кто ж тогда я для тебя?

Не бывать мне вольной птицей,
не видать чудес места...
...Не успела Русь родиться
к дню рождения Христа...

ПОМНЮ

1

Разве он забудется, городок мой – умница?
Где какая улица, где стоял костёл,
реки где стыкуются, ивы где сутуляются,
мину как немецкую бросили в костёр.
Где жил дух в развалинах – замковых оскалинах,
как с горы катались мы связкой «в паровоз»,
как на детский праздник в Доме пионеров
подарил мне мишку пьяный Дед Мороз.
Как с моста сигналы, гнutoго дугою,
в реку утомимую наши пацаны,
как в покойном парке на лихой «тарзанке»,
прыгая – «табаня», рвали мы штаны.
Помню, где стояла лавка с керосином,
а на месте цеха рос сливовый сад.
Помню запах дома, вкус краюхи с тмином,
как смотрели с крыши праздничный парад.
Помню подземелья, что с войны остались,
лазы «до Берлина» или «до царя»,
как копали тайно за чужим сараем –
отыскать пытались «дом из янтаря».
Помню, давним летом крест спилили с кирхи, –
рухнул он на землю – ахнула толпа, –
как склады горели, реки как мелели,
как нас всех страшила «чёрная тропа»;
как на старом доме выросла берёзка –
и сейчас она жива, украшает сквер, –

как переплывали озеро на досках,
глубине колодцев делали замер.
Помню, как снимали о войне картину –
прямо возле школы шёл «кровавый» бой, –
как с землёй сровняли городскую кирху,
что покой и тайну унесла с собой;
как наш край воспрянувший

к Господу привязан,
памятник как ставил ночью мощный кран,
чтоб не забывали – кто кому обязан,
чтоб всегда был с нами генерал Иван...

2

Город жив без парков или площадей –
только что б он значил без самих людей?
Чем любви их больше – краше города,
их судьба похожа, соткана в года...
Ты прости нас, город, – мы не так плохи.
Я поверх твоих огней написал стихи...

* * *

Осенний город сер и неприветлив,
его дома промёрзли и дрожат,
стянули грудь ему речные петли,
и храм золотым крестом к земле прижат.

А небо тонкое разорвано – не дышит,
и даль, исколотая звёздами, саднит, –
и только время нас по-прежнему не слышит,
и только Бог ещё по-прежнему хранит.

Но мы с тобою так же уязвимы,
любовь у нас – ровесница беды...
Легли на улиц мокнущие спины
прощальных слов кровавые следы.

* * *

Тянется, тянется вечер,
ночь стремится в окно,
хлюпает дверь купе...
Скоро станция Дно.

Всё кругом хорошо и ровно,
и в семье всё нормально, но...
Никуда не поеду дальше,
а сойду на станции Дно.

Может, чётче здесь бьётся время,
что судьбою отведено?
Может, здесь голубее небо
или солнце здесь – не одно?

Может, встречу тебя я снова –
ту, которая не сейчас?..
Может, всё здесь свелось к *ab ovo*,
может, всё здесь – в последний раз.

Может, люди здесь знают Бога,
может, он их уже простил,
может, здесь и моя дорога –
на которую нету сил...

...И конечно же это не Вена,
и даже не древний Брно.
Только дома мне всё же хуже,
чем на дальней станции Дно...

Подобру ли, поздорову –
померещилась весна,
по-октябрьски красна...
Пусть себе цветёт на воле,
раз в душе она тесна...

Распластался город в лужах,
носом вытекла река,
берег мнёт её бока...
Землю дождь прибил к планете –
надо думать, на века...

Наработались наотмашь,
засиделись до утра...
Жизнь погонная стара,
и сегодняшнее утро
зацепилось за вчера...

А на непечатом небе
облаков плывут плоты...
И до Бога три версты –
и до смерти недалече...
бездорожьём пустоты...

Россия – страна «если»...
Если ещё – Россия?!
Если ещё держава?..
Или – людей орава?!
Может, простор скукожен?
Или размах просрочен?
Или Иван порочен?
Или конёк стреножен?
Сумма ли территорий –
пища для аллегорий?..
Или большая мамка,
словно цепная самка,
в траурной дышит рамке?..
Русь вам – не санаторий,
зрить если только в корень:
пламенная столица –
смытые страхом лица,
сытые глянца пиццей, –
плачет столица-жрица;
трёхсотвеликий Питер
вытянулся, как свитер,
спицами связан линий,
весь от удушья синий.
В чём же она – причина?
Ванька ли дурачина?
Марью гнетёт кручина?
Или душе неймётся?
Или уже не пьётся?..

Легче, конечно, с «если»,
если с ногами в кресле
слушать того же Пресли
и заедать желе,
если трава в столе.
Если не в деньгах счастье –
в доме – одно ненастье,
если от русской доли
сердце больное ноет...
Всё от того же «если»
все мы – куплеты песни:
если любить – то спьяну,
если кадрить – Кодряну,
если идёт – по плану,
если прокат – по стану,
если сарынь – на кичку,
к дьяволу на кулички,
если коса – на камень,
если не лёд – то пламень,
если и бить – баклуши,
если влезать – то в душу,
если король – то голый,
молодец если – квельый,
если хлебать – то горе,
бед нам, конечно, – море,
если коптить – то небо,
если есть соль – нет хлеба,
если тянуть – то лямку,
если поднять – то планку,
если рядиться – в тогу,
если идти – не в ногу,

если почин – великий,
если зайтись – то в крике,
если и петть – с надрывом,
невмоготу – с обрыва,
если искать – то нечто,
если и ехать – печкой,
если гулять – под утро,
Волга – не Брахмапутра,
если болеть – душою
(если душой большою),
если страдать – без воли,
если менять – то роли,
если давать – то дуба,
если друзья – то Куба,
если дарить – всё сразу,
если беречь – от сглазу,
если и свадьба – с дракой,
бит если – как собака,
если реветь – белугой,
жизни ещё – полкруга,
если война – то насмерть,
катится если – скатерть,
если и свет – с овчинку,
в пляс если – под сурдинку,
если с тобой – тревога,
если расти – до Бога, –
может, простит немного...
Тесно мне что-то в кресле,
если, конечно, если...

СОРОК ПЯТЫЙ

Тысяча девятьсот сорок пятый.
Пруссия Восточная –
словно канава сточная:
грязь, кровь, гарь,
изнасилованный огнём январь,
вспоротая русским штыком
тевтонская ветхая старь,
смерти линия поточная,
небо ржавое и худосочное –
между Богом и дьяволом
ставка очная.

Нет мерила людскому горю,
страх и ужас на пути к морю...
На шее Германии дебелий
удавка всё туже,
воронья над пожарищами
всё больше кружит,
танки окопы простуженные утюжат.

Кому на войне всего хуже?
Пехоте – матушке полей?
А может, матери солдатской,
чей сын в могиле братской?..
Всем страшно, всем плохо...
– Прикрой меня, Лёха!
Дай мне его добить –
научу, мать твою, Родину любить!

Эй, славяне! Пришёл и наш час...
Сейчас я его срежу... сейчас...

Но трудно в логове убить врага,
где каждый хутор – «Курская дуга»,
тверды ещё стены фортов...
Трупов с улиц собрали выше бортов:
засели, сволочи, в бункера,
а наш солдат – в полный рост, с «ура!»
в атаку, в лоб, дети жили чтоб, –
и такая у него боль и ярость слепая –
только вперёд, напролом, не уступая...

Вскрыли гнойный прусский нарыв
и сбросили отборные дивизии в залив.
А на дорогах – беженцев тысячи
с детьми и повозками.
Горит город домами броскими,
костёлы заколочены досками.
Мечется людской поток:
где теперь запад, где восток?

Боятся Ивана, которому хоть бы что:
на привале коротком – и то с баяном.
«Чего от него ожидать?»
Он двужилый, не сломать:
сколько русских этих уже положили,
а их всё больше,
а они всё живы!..»

«Прощай, Гретхен, прости!
Детей береги... Тебе теперь
крест грехов моих нести...
“Советы” дерутся как черти,
все мы на шаг от смерти –
она сейчас ценится дешево...
Центр города – домов крошево.
В ратуше пока держимся
на первом этаже,
а они всё ближе и ближе... уже...»

К утру город пал.
Утих огня шквал,
пошли тыловые части...
– Что? Не ждали нас, фрицы?! Здравсьте!
Ваша Пруссия поганая
не то что наша Украина!..
Тут уж рукой подать и до Берлина...
«Скоро дома буду, Галина,
чуток осталось немца побить.
Я уж и забыл в этом аду, как любить...»

– Эй, земляк, а как город-то этот
по-немецки звался? Не помнишь?
Ай, да и не главное это –
всё равно песня их немецкая спета...
Ушёл солдат, а город остался
для обозов и госпиталей,
для девочки, которую спас наш старлей,

для пленных ополченцев,
для русских и немцев,
для страниц истории стёртых,
для живых и мёртвых,
для них и для нас...
И для Бога, который не виноват...
Ты уж прости и помилуй нас, брат...

День – и снова ни себе ни людям,
ночь – и снова три часа без сна.
Время, превратившееся в студень, –
и весна, настойчиво красна...

Кончено с предписанною долей,
вот и всё, что выдано на круг, –
а душа под проливным контролем
болью сердца вздета на испуг.

Гаснет жизнь, присмотренная смертью,
жжёт любовь, привыкшая к беде...
Утомлённый судеб круговертью,
сам Господь шагает по воде...

День рабочий – весь в бегах:
сцены, споры.
Вот поехать бы в Тибет:
солнце, горы.
Посмотрел бы, как живут
люди, страны,
да поел на серебре
фиш, бананы,
пригласил бы в номера
Шэрон, Стоун, –
что бы делал с ними я,
старый клоун?
Ну да ладно, обойдусь:
годы, годы.
Буду пить теперь всегда
соки, воды.
Вот бы денег мне ещё
пачку, тачку –
накупил бы я ландо,
вилл и жвачку,
насажал бы я в авто
женщин, девок,
да поехали б толпой
вправо, влево.
Стал бы сразу я крутым –
перстень, шмотки,
да махнул бы в казино –
фишки, тётки –

и в Париж бы прихватил
сына, брата,
самолёт себе б завёл,
яхту, золото.
А жена б тогда ушла –
что ты, что ты! –
да катись и забирай
шубу, боты!
У меня теперь деньжищ
сейфы, море –
оттого-то и опять
беды, горе,
та же головная боль:
сцены, споры, –
пусть тибетится Тибет:
солнце, горы...
Где такие есть ещё
стол да баня?
Нет душевнее людей –
Марьи, Вани...
– Эй, служивый, ты чего?
Спишь, похоже?
Да лицо попроще сделай...
– Скажешь, тоже!..

ДЕД

Поутру весна-блудница
вновь изнемогла
и под этот мир старинный
без стыда легла.

Колокольным звоном небо
очищать пора...
...Из окна палаты белой
часть видна двора,

обнесённая забором,
за которым – рай...
– Ты уж, дед, держись давай
и не помирай:

благодать природой правит,
яблони цветут...
– Разве мне теперь подняться?
Столько не живут...

– Это, дед, не по-солдатски –
ты же фронтовик!
И с такой войны вернулся –
чуть прижало, сник.

– Мне, земляк, годов-то столько –
и не сосчитать...
– Брось, ещё пойдёшь по девкам
косы расплетать!

– Да какие ещё девки,
кол когда в груди?
– Разве, дед, не интересно,
что там, впереди?

– Мне как раз не интересно,
там уже бывал:
в сорок третьем под огнём
Днепр переплывал...

– Я тебе же не о фронте –
что нас дальше ждёт?
– Знамо что – могильный камень
да душа в излёт.

– Рано, дед, себя хоронишь –
голова ж цела.
Скоро бабка дома встретит...
– Бабка умерла...

Ты, сынок, мне лучше спирта
у сестры спроси –
может, сердцу сполегчает? –
воду принеси.

– При любой грудной хворобе
пить запрещено.
– Смерти что теперь бояться,
коли всё равно?..

Вдруг соседу стало худо –
побелел лицом.
Побежал я за сестрицей:
– Плохо там с отцом...

Взяли деда на каталку,
увезли с собой.
Закусил он только губы,
будто снова в бой...

Застелил кровать я деда,
скучно почитал,
у окна сидел с обеда –
голубей считал...

Где-то ночью просыпаюсь –
вижу силуэт:
кто-то странный на кровати...
Пригляделся – дед!

Но моложе лет на тридцать:
ровная спина,
портупея, орден Славы
ясный, что луна.

Ладный «дед» из гимнастёрки
достаёт кисет:
– Хватит спать, земляк, замёрзнешь!
Куришь или нет?

Вот меня и подлечили:
хоть куда жених!
Я сейчас в комендатуру –
догонять своих.

Полк-то наш до Кёнигсберга,
видно, дошагал...
Говорят, что Черняховский
умер генерал...

Встал солдат, одёрнул форму,
подтянул сапог,
вещмешок худой набросил:
– Прощевай, браток!

Мне войны, надеюсь, хватит:
зверь – и дома зверь...
Крепко мне пожал он руку
и ушёл за дверь.

Я в растерянности только
вслед ему кивнул.
«Я б с таким пошёл в разведку», –
думая, заснул...

Разбудили утром солнца
бодрые лучи.
Птицы что-то расшумелись –
кажется, грачи.

«И почудится ж такое?
Дед – опять солдат,
хоть сейчас готов к атаке –
был бы автомат...»

У окна я поразмялся
и поприседал,
санитарке при уборке
тумбочки сдвигал.

Тут сестрица заглянула,
волосы – смольё:
– Маша, с дедовой кровати
собери бельё.

– Что случилось, дорогуша,
если не секрет?
– Да какие там секреты?
Умер твой сосед.

Не хватило деду силы:
жизнь – она ж хрупка.
С той войны носил осколок
ниже у соска...

Бабки нет – да есть ли дети?
Хоронить кому?
Каково на белом свете
жить-то одному?..

Все ушли – тоска осталась,
ранит тишина.
Но от мира снова жизнь
зачала весна...

...Снял пижаму я со стула –
веришь или нет? –
нахожу в кармане правом
вышитый кисет!

Да ещё учуял запах –
от махры же дым!..
...Пусть на небо примет Бог
деда молодым...

* * *

Купола заострились в небо,
расстелилась по улицам пыль,
и сомкнулись дома следом
под неоновую кадрили.

Почернело от скуки солнце,
порыжела от сна трава, –
лишь любовь оживает ночью
под распахнутые слова.

За окном моим – силуэты...
Дай-ка я это всё запишу...
Ещё много не спит поэтов,
да и я свет гасить не спешу...

* * *

Белая берёза
словно нетверёза –
растрепал ей ветер
крону, что крыла.
Выжженное поле –
чёрное от боли,
а на нём воронки
и солдат тела.

Покосилось солнце –
выгнутое донце,
под его лучами
пули горячей.
А земля большая –
от огня в лишаях,
и горячей кровью
пенится ручей.

У бойца Ивана
штыковая рана
истекает жизнью
в шёлкову траву.
«Господи, так рано...
И прости же, мама:
за страну родную
я сложил главу...»

Минуло полвека –
нету человека,
подросла шеренга
молодых берёз.
И, от крови сладкий,
по стволам сочится,
наполняя банки,
сок солдатских слёз.

Выдохлась страна борьбой...
Жить бы новою судьбой,
видеть звёзды над собой
мне бы...

Разошлись несчастий швы,
как мосты густой Невы,
а в глазах открылись рвы
неба.

Солнце всплыло впереди...
Сердце где-то посреди
зарубцовано в груди
призме.

Сон – всего лишь смерти тень,
ночь осуждена на день, –
отходящая ступень
жизни...

Ранят горы и моря
ветра острые края...
Спасена душа моя
клиром.

Начинался Бог с креста,
словно с чистого листа,
молвили его уста:
«С миром!»

Нет у таланта знаков препинанья,
как нет границ – «от сих до этих пор»,
не взять его, как школьное задание, –
в его судьбе и слава, и костёр.

Талант не измеряется деньгами –
он Богом дан в обмен на тяжкий труд,
он между случая и веры берегами,
и движет им больших открытий зуд.

Он есть почти у каждого и каждой –
его всего-то надо разглядеть, –
и жизни день любой таланту важный,
чтобы искать, надеяться, терпеть.

Талант взращён на любопытства поле,
не подчинён законам бытия, –
и беззащитен он без сильной воли,
и заключён в плену наития.

Талант нередко путают с безумьем,
зарыть его? – да пара пустяков!..
Но разве, кто живёт благоразумьем,
взлетит над миром выше облаков?!

СЕМЁН ПЕРВУХИН

Возле клуба, в развалюхе,
жил бобыль Семён Первухин –
с виду неприметный малый,
молчаливый и трёхпалый.

До войны крутил баранку,
Стешку Ярцеву любил,
вроде парень был как парень,
баньки по селу рубил.

Летом грозным всей деревней
провожали мужиков.
В том строю и наш Первухин –
воевать попал под Псков.

А сестра и мать остались
(батя помер до войны),
из хозяйства – лишь корова
да шесть соток белены.

Как потом жила деревня –
это, брат, отдельный сказ:
полсела, считай, за зиму
голод выкосил зараз.

Не от пули – так от мора
поубавилось людей:
смерть не смотрит – фронт ли, школа,
кто герой, а кто злодей.

Пелагея, мать Семёна,
на Крещение и ушла,
вся опухшая от жмыха...
Сына всё домой ждала...

Лишь с Победы годом позже,
серым снегом тающим,
привезли его в санях
при сопровождающем.

Говорили, что лечился
долго где-то в Грузии,
но остался головою
слабым от контузии.

Заселился в старый дом,
что сестрица бросила:
в область Кёнигсбергскую
выехала осенью.

Стешка тоже замуж вышла,
счастлива, похоже, –
фронтовик седой достался,
а на год моложе.

Так Семён один и зажил,
женщин сельских избегал,
на работу был негоден –
только в клубе помогал.

Пропадал в лесу всё лето,
жил сычом в сторожке,
плёл лубочные корзины,
ловко резал ложки.

Заикаться стал сильнее,
пас, когда просили,
в зиму грелся водкою,
как везде в России.

Лишь на светлый праздник мая,
в гимнастёрке чистой,
по дворам ходил деревни,
шлем надев танкистский,

что-то о войне пытался
говорить под брагу...
На груди его – медали,
обе «За отвагу».

Напивался пьяным, плакал,
детям «петушки» дарил,
а потом вдруг замыкался
и сидел один, курил.

Как-то раз к октябрьским –
помнится с тех пор –
дать концерт в село приехал
из столицы хор.

Пели – аж мороз по коже!
Ну а гармонисты!..
Взбредили души нам
мастерством артисты.

Под конец солист со сцены,
прямо среди песни,
крикнул в зал: «Первухин, ты?!
Сёмка, хоть ты тресни!»

В танке ж ты сторел живьём
в том бою, под Млавой, –
экипажу есть могила
рядом с переправой...»

Взял он нашего Семёна
вытащил на сцену:
«Ваш земляк – танкист-герой:
роту спас от плена!»

Хлопали однополчанам
земляки, артисты...
А Семён – опять на фронте,
и бегут фашисты.

Слёзы целиться мешают,
падают солдаты...
...Хор уехал, а Семёна
отвели до хаты.

Через три дня спохватились:
– Бобыля-то нету...
Может, что-нибудь случилось?
– Сходим к сельсовету...

Заперт дом, закрыты ставни, –
вскрыть решили хату.
Тут и вспомнил вдруг сосед:
– Шёл Семён с лопатой...

А нашли его под вечер
в Томкиной низине:
он лежал на дне окопа,
вырытого в глине.

Рядом фляжка и «оружье» –
старая берданка.
Принял здесь последний бой
наш наводчик танка...

Одержала снова смерть
личную победу,
и склонилось над бойцом
сумрачное небо.

Там в окоп и схоронили...
Плакали старухи...
Написали под звездой:
«Здесь погиб Первухин».

* * *

Показалось мало – нарастили невод,
показалось правдой – плюнули в лицо,
показалось счастьем – взяли по бутылке,
показался быстрым – сделали гонцом.

Показался храбрым – выбрали мишенью,
показался лучшим – сбросили в пролёт,
показался щедрым – расплатился жизнью,
показался рыбой – головой об лёд...

Показалось плохо – сколотили церковь,
показался сильным – ставили к стене,
показалось дракой – дали тем и этим,
показался лишним – плетью по спине.

Показалось главным – всех на баррикады,
показался ловким – справили капкан,
показалось водкой – брали по канистре,
показался трезвым – наливай стакан!..

Показалось солнце – затянули штору,
показалось больно – кинут в рану соль,
показался ценным – оторвали ценник,
показался нашим – называй пароль!

Показался Богом – возвели Голгофу,
показался нищим – бросили в пыли,
показался чёртом – посылать устали,
показался мёртвым – встали и ушли...

ВСЁ МОЖЕТ БЫТЬ

*Город может быть большой –
хищный и матёрый, –
может быть и незаметным,
если поезд скорый...*

Город разный, город грязный,
россыпью огней заразный,
город праздный и лучистый,
город мягкий, площадистый,
город-сад и город-призрак...
Люди – самый главный признак.

Город-пристань, город-порт,
скверов бойких натюрморт;
город скучен, одинаков
или кроток, как Иаков;
с позаброшенной душою
жизнь в нём кажется чужою.

Город Солнца, город света
давит грудью парапеты,
дышит сквозь окон петлицы,
нашпигован, словно пицца,
сыром крыш, сырým бетоном,
солью пыли и картоном.

В кровотоках переходов –
лейкоциты пешеходов;

коммунальное творенье –
в трюмах стадного движенья;
город слишком осторожен
и развязками стреножен.

Город может быть неловок, –
сыпь на лице остановок,
семафоров чупа-чипсы,
на строньях – лоджий клипсы,
а на камерах слеженья
выступает пот сомненья, –

намертво прибит к планете...
В нём живут и те и эти...
Швы дорог, тесьма проспектов,
и колдобины проектов,
и бульваров эполеты...
Город милый, где ты, где ты?..

Улиц тонких вьются шеи...
Город в роли ворожеи –
с шахтами подземных луз,
с ободом фонарных бус...
Транспорт тычется носами –
ищет всё таких, как сами...

Город-сити, город-град
весь в морщинах от оград;
и спешат зевать ворота,
кольцевых дорог гаррота;

горлом хлынули глубоким
из метро людей потоки...

Город – сытая столица,
ока срочная зеница.
Город-воин, город-крепость –
есть ли большая нелепость?
Город может быть тюрьмой...
Лучший город – город мой!

ЗЕРКАЛО

Глазом холодным зеркало
время живое коверкает,
короткой серебряной памятью
плющит выпуклый мир.

Я в нём – не настоящий, –
спиною к себе стоящий
в послушном, как звук, коридоре,
затёртом взглядом до дыр.

Зияют зеркалом стены
в домах, распухших гангреной,
из провала стеклянной двери
сквозит тишиной эфир.

А утром каждые люди
в плоском сверяются блюде,
подбирают лицу отраженье
под обои своих квартир.

И кто-то – насквозь похожий,
и кто-то – в длину прохожий...
Только зеркало без изменений,
стальное кольцо-ампир.

Бездонное и большое,
оно может кривить душою.
Кто-то видит в нём только солнце, –
ну а я – лишь стволы мортир...

Для меня Россия началась отсюда –
с этих мест спокойных и насквозь сырых, –
здесь, во-первых, воздух древностью настоян,
им другие люди дышат, во-вторых.

Здесь полей нет шири, не трещат морозы,
у каштанов в парке прусская судьба,
и краснее солнце здесь от черепицы
и костёлов хрупких божья худоба.

Залатали дыры белым силикатом,
закатали камень улицы в асфальт,
соскоблили память с замковых развалин,
обнажился прахом орденский базальт.

Так и обрусели чьи-то эти земли,
грязь забила поры старых мостовых
городов, оглохших от войны последней,
отделившей смертью мёртвых от живых.

Для меня Россия началась отсюда,
и в другой похожей надобности нет, –
пусть судьбой побита и лицом не вышла –
и над ней забрезжил тёплый Божий свет.

Счастья аорту
горем повело.
Полетели к чёрту
чудо-НЛО.
Чёрствыые дни лета
высохли до дна,
а над краем света
плавится луна.

Родина – не суша
с тишиною встык.
Припекает душу,
коль любовь впритык.
Жизнью обносилась
горькая судьба.
Солнце подкосило
вольные хлеба.

Обросли бедою
парные сердца.
Мы стекли слезою
с Божьего лица...
Может, обойдётся –
и наступит час?...
...Небо оборвётся
и раздавит нас...

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ВОЙНЫ?..

Что осталось от войны?
Беспокойные немые сны
старого фронтовика,
поэта опалённая душой
неистребимая строка,
выцветшая похоронка
среди фотографий деда,
защищённая долгой памятью
Великая Победа,
выбитые на мёртвом граните
далёкие имена,
выжившая волею всех
большая страна,
окопы, стёршиеся
о зазубрины городов,
прижатый к стене Берлин
и выстоявший Гдов,
танки, с постаментов
охраняющие скверы,
мир, немислимый
без надежды и веры,
раскрытые взрывами настезь
створки свода
и... выпавший наземь насмерть
Сын Бога...

* * *

Г.

Тебя на этой земле – больше,
и вместимей твоя душа,
а моей не хватает места,
и за ней, как всегда, – ни гроша.

Ты учила меня Богу
и считала одной крови –
только был я всего лишь слепком
по мотивам твоей любви.

И насколько ж тебя хватит
разнимать нашу жизнь с бедой?
Вот и кажется мне водка
почему-то живой водой.

Вот и кажется мне утром,
что уже этот день угас,
что нужна мне ещё и лошадь,
да чтоб к ней – боевой приказ.

Я пошёл бы в атаку смело
и загнал бы врага в клозет –
только вяжет мне кто-то руки
и в глаза направляет свет.

Объяснить как теперь смогу я,
что люблю-то тебя одну,

что я буду одним из многих,
кто без веры идёт ко дну?

Оттого-то и был я битым,
что судьбу примерял на глаз,
что лет десять назад заплакал
я от счастья последний раз.

И слепой мне достался ангел,
и младенца кровать пуста...
Я не ведал такого места,
как запазуха у Христа, –

и остался бы вне надолго,
и тоскою б себя загнал...
Ты поверила мне первой,
прекратила хмельной кагал.

Я играю с огнём навывлет –
право, что ты во мне нашла?
Я вчера тебя снова выгнал –
ты сегодня опять пришла.

Так и терпишь меня, и плачешь,
и к обеду подашь уху...
Я сказал, что люблю, когда-то, –
право, слово-то – на слуху.

Ты же знаешь – мне сорок с гаком,
а тебе ещё жить да жить, –

над моим непутёвым домом
белым аистам не кружить.

Кто опора из нас – не знаю,
только я без тебя – никто,
пусть пишу я в тетрадку что-то
в духе Кафки или Кокто.

Мать хотя бы была живая,
отругала бы за тебя, –
всё равно бы мне стало легче,
потому что она ж – любя...

А меня на земле – всё меньше,
и не видно порой совсем...
Оставаясь со мною рядом,
ты рискуешь, пожалуй, всем.

СПИТ У РЕКИ ЗАМОК

Спит у реки замок –
чутко, как спят воины, –
снятся ему войны,
рыцарские бои.

А под его сенью
сгрудился весь город,
стиснут ворот ворот,
свечи горят над «i».

Замок ещё дышит –
будят его люди,
тревожа теней студень,
песни поют твои.

Стены – в плену тлена,
с камнем срослось время,
вдета судьба в стремя,
башен торчат буи.

По небо сыт страхом,
он ниже теперь дуба,
обломком стоит зуба,
стрел не вьются рои.

Ночью ему легче
наедине с тайной,

а на душе скальной –
смертных грехов слои.

Он пережил память,
путь его роком сужен,
если кому и нужен –
для стансов и рубаи.

Какой он теперь замок –
без колеса тревоги?
Свои у него боги,
а у тебя – свои.

* * *

Нет родины «большой» и «малой»,
как прожитого без седины:
какой бы ни была отсталой,
она – одна, и ты – один.

Она даётся вместе с жизнью
от наших вечных матерей, –
ты как с судьбою с ней повенчан,
пусть даже выглядит старей.

Пусть кажется она жестокой,
но вдруг придёт недобрый час –
мы встанем вместе на защиту:
мы – за неё, она – за нас.

Жить без любви ещё возможно,
без Родины – уже никак,
как не забыть свою деревню
с садами, сползшими в овраг,

как не забыть и нашу речку,
в которой школьником тонул,
как Бог меня молитвой мамы
святою помощью вернул...

Но с тихой смертью мы уходим –
увы, придёт и мой черёд, –

а Родина, быть может, душу
мою на помощь отзовёт,

и, может, снова я увижу
её простёртые поля...
Не так уж плохо всё на свете,
пока есть Русская земля.

* * *

Вечереет, небо прееет,
потекла тушь темноты.
За день выше стали травы
и подробнее цветы.

В берегов подмышки ткнулись
возведённые мосты,
а прилежный старый город
жмётся к боку высоты.

Солнце сильное подстыло,
далью выткан горизонт, –
там, над всем способным миром,
реет в сумерках архонт.

А у нас тепло и тихо –
не бедово и не рай...
И, укрытый облаками,
засыпает отчий край.

* * *

Мы ближе сна не видим ничего,
мы ниже смерти падать не умеем
и тенью слов несказанных боеем,
и души мрут – казалось бы, с чего?

Нам краше неба Богом не дано,
любви нет тяжелей труда на свете,
и счастья большего, когда родятся дети,
под нашу жизнь не изобретено.

Я И ТЫ

Я – тупик, а ты – дорога, –
подразбило нас немного, –
хоть какая бы подмога
от встревоженного Бога...
Я с души надежды тогу
потерял – а ты нашла...

Я – конец, а ты – начало, –
отобьюсь – ты приручала,
изменял – а ты молчала...
По теченью два причала, –
я тонул – ты не кричала,
утонул – и ты ушла...

* * *

Мы сегодня вместе,
а быть может – врозь.
Сердце было тесным,
а теперь – насквозь.

Лип засохших ости –
как громоотвод.
В вывернутых окнах –
солнечный гавот.

Распатроним души
на сюжет и дух.
Ты всегда казалась
голою на слух

и была мне верным
другом для битья,
а теперь в тарелке –
постная кутья...

Раскалённый привкус
ветра перемен.
Распалённый искус
бытовых проблем.

Застрахован смертью,
как и все... Плевать!

С жизнью – не ужиться,
время – не занять.

Почему так крепок
безымянный сон?
Дня несвежий слепок
сохраняет он.

А меня опять же
приберут к ноге,
с миром познакомят
по полотнам Ге...

* * *

Стало нам вместе тесно
на самокате дней –
что-то совсем уж пресно,
а потому – больней.

В душах у нас – цунами,
кому-то из нас – видней,
следует смерть за нами
или же мы за ней.

А может, не всё так плохо?
Может быть, ты права?..
Жизнь – это суматоха,
игры людей в слова.

Суд у нас выше дела,
если оно пошло.
Солнце ещё не село –
небо уже взошло...

Мир на любви – на месте,
ею он и храним.
Может, мы будем вместе –
с Богом и иже с ним...

ПОЛЯ

И. Б.

1

Центр районный, сонный,
где автобусной остановки зал тронный –
место общего пользования для ждущих:
в какой стороне рай гуще?

Впаянный в тело села,
извивается и блестит, как юла,
скользящий нерв дороги,
отполированный шинами авто...
Что-то здесь не так, не то...

По холму погост
с крестами в рост,
мост в берега врос,
в церкви – Христос, –
опять же, в окладе,
при параде,
как всегда, спокоен,
взгляд его многослоен,
душою чист, акафист звучит в его честь,
где бы ты ни был – он есть, –
что ни слово – серебро,
падающее на жесть нашей совести.
Нет печальной повести...

А кругом чернеет низменность,
разбазаренная травами.
Коров стадо: каждая – с норовом,
а пастух – с нравами,
курит вприглядку,
борясь с потравами,
ссматривая заметных людей
с внешней стороны дня...
Но приходит она – работник звена,
чтобы понять, как высока любовь,
пока есть длина.
И стало им легко под провисшим небом
в междурядье холстов хлеба...

2

Им на двоих – ветер, смахивающий тени
с их обнажённых лиц.
Им на двоих – воздух, скатанный с гор Памира
и с пиков его ресниц.
Им было б, конечно, лучше
лежать на спине скалы,
но в райцентре – ни скал, ни гор,
а только прямые углы.
Их прерывистое дыхание
завершает жемчужный след,
в котором спрятана новая жизнь,
сходящаяся на нет.

Над полем темнеют птицы –
их распластанный плач саднит, –
мы уходим душою в небо,
разрывая плечом гранит...

Поле, вскрытое злом стали,
поле колкое, как редут.
Здесь, похоже, не нас ждали,
и, наверно, нигде не ждут.

Поле звонкое, как сцена,
поле гулкое, как печать.
Мы нашли бы себе смену,
жизнь сумев от любви начать.

Поле – как тихий остров,
к которому не пристать.
Жить было б совсем просто,
если б только не умирать.

И когда от всего устанешь –
от обиды ли, от молвы, –
в поле парадном канешь,
на котором стоят волхвы...

...А что же районный центр,
не привитый ни к чьим горам?
В устье вытянутой дороги
стынет толем покрытый храм...

«ПИСЬМЕНА СУДЬБЫ»

...«Неба тонкие узоры»... Рисунок ли это облаков, беспрестанно-причудливо меняющийся под вольными токами ветра, или заповедные «письмена судьбы», тайный смысл которых смертный жаждет пронизать? Мечта автора разгадать загадку власти Неба над Землёй – мечта и его героев. И дерзость ли это или дерзание, но каждый своё за то воздаяние получает...

Стихи сборника очень разные: классические размеры, «правильный», «по тактам» выверенный ритм – рядом с разговорностью и неровностями раёшника и затейливой орнаментальностью эксперимента. И разнообразие это – не самоцель: оно «задаётся», предопределяется многоплановостью содержания, а форма каждого отдельного стихотворения – характером темы, лирического сюжета, включенных в него эпических элементов, эмоциональным зарядом.

И всё же сборник обладает внутренней цельностью, его пространство, складывавшееся «не по плану», «стихийно», спонтанно, по мере появления стихотворений одного за другим, – «организовано», структурировано подобно пространству мифологического цикла: здесь есть своя «вертикаль» и уровни-«миры».

«Верхний мир» – Небо, и там, на незримых орбитах Бога, где дозволено парить лишь его бесплотным вестникам, утверждена ещё и обитель покоя и славы, принимающая души павших за Родину воинов и страсто-терпцев. И душа лирического героя жаждет небесной высоты – не из желания покинуть бранный мир земной, а для того, чтобы окинуть взором максимально, увидеть больше и понять и потом вернуться в него же.

Льют с небосвода свой свет на Землю светила: горячий – то животворящий, то опаляющий – Солнце, холодный – то замораживающий, то предостерегающий – звёзды. Но Небо – источник и другого света...

«Нижний мир» – «дно». Однако не в физическом плане. Оно то самое дно, что сродни преисподней (кстати, слова эти изначально связаны по смыслу: «под» для наших далёких предков означало «дно, низ»; «подподье» – «отверстие под русской печью, в котором лежит кочерга»). Это «склеп души», где «нет Богу угла» – и оттого воцаряется мрак одиночества, и человек – «один из многих, кто без веры идёт ко дну», – осознаёт, что за шаг от беды его «сбыла... судьба вдруг / с рук...», что, утратив внутреннюю целостность, он «сам себе стал свидетель и враг», и потому, плутая во мгле отчуждённости, обречённо вопрошает: «Это я или некий N.?» Это «адова жуть», охватывающая отчий край во времена смуты и раздора, и тогда «бедуют на Руси», «теряются и плачут», «терпят... и горько пьют», – а лирический герой обращает вопрос к себе и вовне: «Это родина или местность? / Это боль моя или крест?..»

В одном из стихотворений сборника встречаем топоним Дно – название реально существующей станции, – который, однако, к «нижнему миру» никакого отношения не имеет. Напротив, им обозначено «пространство упований» лирического героя: возможно, на «дальней станции Дно» «чётче... бьётся время», «голубее небо» и «солнце... не одно», а «люди... знают Бога», и он «их уже простил»? Да и не там ли тот самый путь, своя дорога?.. Парадоксально переосмысленное, слово в умозрениях лирического героя становится символом «рая земного».

«Срединный мир», Земля, сфера жизни людей – «горизонт схождения» двух других миров – «верхнего» и «нижнего». Причём «нижний» агрессивен в стремлении охватить своим влиянием «срединный», простереть «тёмную длань» до небес. Война – «между Богом и дьяволом ставка очная» – прерывает неровно-размеренный естественный ритм бытия. Когда чадят её адовы костры на земле, отбрасывая ржавую тень на самые облака, и от взрывов раскрываются «настежь створки свода», – люд «по небо съит страхом», а «небо тонкое разорвано – не дышит». Куда желаннее тот покой, когда, пусть и «реет в сумерках архонт», «у нас тепло и тихо – не бедово и не рай...». Но ещё насущнее воля к вере: вот почему «зовут на землю Бога / из церквей в колокола», прося помощи у небес, – и – новый парадокс – люди готовы дать свою помощь небесам: «Колокольным звоном небо / очищать пора...» – и обращаются к Богу, «который не виноват», с состраданием и сочувствием, какие предназначены очень близким: «Ты уж прости и помилуй нас, брат...», без малейшего намёка на панибратство. И об руку с верой – воля к любви: «любви нет тяжелей труда на свете» – «начнись любовьюс чистого листа»; «...я верю, что всё на любви сойдётся, / и для нашей земли дорога найдётся...»; «Мир на любви – на месте, / ею он и храним. / Может, мы будем вместе – / с Богом и иже с ним...». Порой любовь – «ровесница беды», но «там, где без любви», – беды больше и неодолимее. Только если «жить без любви ещё возможно, / без Родины – уже никак...» И для поэта «средина» «срединного мира» – она, Родина: «большая» – раскинувшаяся на одиннадцать часовых поясов, которые, как ни крути, ничьей волей не «упразднить», – вкупе с «малой», то есть крохотным

«островком» на западе (прямо-таки в географическом центре Европы), где стоит один из «городов, оглохших от войны последней, / отделившей смертью мёртвых от живых». Тот город для него «больше, чем только жильё»: для него «Россия началась отсюда». Есть в этом мире и другие города – без названий, что не важно, – важна жизнь, с её адом и её раем – как ни странно, «открытым в земле»...

«...В небо нет ни лестниц, ни мостов», и нет «мирового древа», которое связывало бы уровни один с другим. И хотя есть деревья на белом свете, но, в отличие от мифического, им до Неба не дорасти, – зато человеку это возможно сделать по-своему: «...если расти – до Бога, – / может, простит немного...» Миры «держит» прозрачная ось вертикали, а соединяет сеть видимых и невидимых путей-дорог, из каких многие пролегают через поля...

Стихотворение «Поля» – и кульминация, и финал сборника. Оно завершает ещё и целый этап творчества между первой, но пока не изданной книгой стихов «Жить на ветру» (1997 – 2001) и совсем недавно вышедшей – «Устоять» (2004 – 2008), а посвящено Иосифу Бродскому и написано как своеобразный отклик на «Холмы», захватившие своей энергетикой: «Холмы – это наша юность...» (это и о балтийских холмах), «Холмы – это боль и гордость... наши страдания... наша любовь... наша тоска и страх, наши мечты и горе...», «Холмы – это вечная слава...», «Холмы – это выше нас...», «Смерть – это только равнины. / Жизнь – холмы, холмы... В своё время Бродский был потрясён стихами Марины Цветаевой из цикла «Деревья»: «Други! Братственный сонм! / Вы, чьим взмахом сметён / След обиды земной. / Лес! – Элизиум мой!..»

«Что это такое? Разве она про деревья говорит?» – размышлял поэт. И тютовское «Душа моя, Элизиум теней...» было ответной репликой его собеседника – Соломона Волкова, записавшего диалоги с Иосифом Бродским. Не претендуя на «равновеликость», наш современник Игорь Ерофеев говорит о своём понимании главного...

Сколько значений присуще короткому слову «поле», которое прижилось в разных языковых пластах и даже стало термином в немалом числе наук – как точных, так и гуманитарных (физика: поле тяготения, электромагнитное поле, поле ядерных сил; математика: алгебраическое поле; лингвистика: семантическое поле...). Макс Фасмер, объясняя его происхождение, подсказывает нам, что есть оно во всех славянских языках, связано с древнерусским «поль» – «открытый, свободный, польный», – родственно латинскому *palam* – «открыто, явно», – к тому же слова сходного звучания и значения имеются в целом ряде европейских языков. А каким позитивным зарядом оно насыщено в русском фольклоре, становясь, в связке с постоянными эпитетами («широко поле», «чисто поле»), символом вольного – незагромождённого, без помех и преград – простора, символом свободы... Сколько выражений, наименований, оборотов с ключевым словом «поле» вошло в речь: поле деятельности, поле зрения, поле боя, поле ратной славы, Елисейские поля – Элизиум, по представлениям древних греков, «обитель блаженства», «место на “крайнем западе земли”, куда попадают после смерти избранные богов – выдающиеся герои», Елисейские Поля – одна из главных артерий Парижа, пульсирующая близ президентского дворца... И – русское поле – как символ страны России...

Поле, поля... И в других стихах Игоря Ерофеева встречается этот образ – как обозначение места действия («А кругом – глухое поле...»), как метафора («Наша жизнь – поле чудес...»), как штрих к картине жизни и симптом состояния общества («Выжженное поле – чёрное от боли...»), как знак надежды («...и взойдёт на поле рожь, – / только пахаря не трожь!»). В финальном же стихотворении сборника создаётся образ монументальный, многоплановый, являющий собой средоточие высоких смыслов в контексте «средины срединного мира». Они территория счастья, место встречи природы и труда человека – они же территория трагедии. Они поддерживают жизнь людскую, давая хлеб насыщенный, – они же арена сражений. С них начинаются и рай, и ад земного существования. И потому поля тучные, возделанные, плодоносные – синоним процветания, а «полие», брошенные, некошеные – знак беды. А и того страшнее – когда засеяны они костями воинов, сыновей земли. Но души ратников, «с Богом жизнь отдавших» за Отчизну, – и безвестных, и отмеченных славой, – с израненных полей уходят в обетованные небеса...

Первая часть стихотворения – «малая панорама», масштаб которой – жизнь некоего райцентра, пусть «сонного», однако с миром земным связанного дорогами (в «тронном зале» автобусной остановки – «ждушие»: «в какой стороне рай гуце?»), с миром небесным – церковью, («в церкви – Христос»: «...где бы ты ни был – он есть, – / что ни слово – серебро, падающее на жёсть нашей совести...»). Вторая – «зарисовка» частного момента: встречи «в междурядье холстов хлеба» двух влюблённых (он – пастух, она – «работник звена»), – взаимное притяжение опять и опять влечёт их в поля.

Третья – «объёмная панорама», результат «взлёта» на высоту, с которой можно охватить просторы во времени и пространстве и обратиться к обобщению исторического и духовного опыта целой страны: «Поля – это наша совесть. / Поля – это наша связь...», «Поля – это наша правда. / Поля – это наша суть. / Полями, наступит время, замерят кровавый путь...», «Поля – это горизонты... страхи... книги... наша память, приученная к броне...», «Поля продолжают ранить... за полями – ещё поля...» Поля – раздолье, возможность разбега, разгона, размаха. Поля, верит автор, – главное в России...

Герои Игоря Ерофеева не морализируют. Каждому из них нравственные ориентиры известны. Одни принимают их, другие не принимают, третьи ещё и в противную сторону движутся, только независимо от всего этого помнят о них, всегда «имеют в виду», осознавая близость или дальность свою от общего идеала. Среди них те, кто заплутал в жизненных переулках, а то и попал в тупик. Среди них те, по отношению к кому именование «герой» – скорее не литературоведческий термин, а характеристика: пусть и не лишены они, как и все смертные, человеческих слабостей, но в час ответа вырываются из слабости в силу, помня о долге, невзирая на страх смерти, риск гибели. Они убеждены: «Нам краше неба Богом не дано...» – и сверяют «маршруты сердца» по звёздам, по небесным письмам Творца.

Галина Каштанова-Ерофеева.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Неба тонкие узоры...»	4
Письмо	5
«Несмышлёный ручеёк...»	9
«Не рисуется круг от руки...»	10
Человеку...	11
«Мать дала для души тело...»	12
Лейтенант Круглов	14
«Тихий омут тёмных комнат...» (Г.)	17
Осталось...	19
«Не хватило страха, чтобы не уйти...»	20
«За собой, моя родная, поведу...»	21
Я родился русским	22
«Нам нравится всё, чем травятся...»	26
Два города	28
«Безнадёжье, бездорожье...»	30
Деревья	31
Сколько людей...	32
Любовь бывает	36
«Снежный, нежный, тихий вечер...»	37
Инстербург	38
«Ветер – кречет...»	41
«Мои глаза мешают видеть...»	43
Брат	44
«Жизнь – это долгая песня...»	48
Почему?	51
Один	55
«Спит в огнях усталый город...»	56
«Небритый вагон метро...»	57
«Растревожилась тревога...»	58
Помню	60
«Осенний город сер и неприветлив...»	62

«Тянется, тянется вечер...»	63
Город, в котором мы живём	64
«Подобру ли, поздорову...»	66
Если	67
Сорок пятый	70
«День – и снова ни себе ни людям...»	74
«День рабочий – весь в бегах...»	75
Дед	77
«Купола заострились в небо...»	83
«Белая берёза...»	84
«Выдохлась страна борьбой...»	86
«Нет у таланта знаков препинанья...»	87
Семён Первухин	88
«Показалось мало – нарастили невод...»	93
Всё может быть	94
Зеркало	95
«Для меня Россия началась отсюда...»	98
«Счастья аорту...»	99
Что осталось от войны?..	100
«Тебя на этой земле – больше...» (Г.)	101
Спит у реки замок	104
«Нет родины “большой” и “малой”...»	106
«Вечереет, небо прееет...»	108
«Мы ближе сна не видим ничего...»	109
Я и ты	110
«Мы сегодня вместе...»	111
«Стало нам вместе тесно...»	113
Поля (И. Б.)	114
Галина Каштанова-Ерофеева. «Письмена судьбы»	119

Литературно-художественное издание

ЕРОФЕЕВ
Игорь Васильевич

НЕБА ТОНКИЕ УЗОРЫ
Сборник стихотворений

Редактор *Г. В. Каиштанова-Ерофеева*
Оформление обложки: *Р. Р. Ситдиков, Г. В. Каиштанова-Ерофеева*
Корректор *Г. В. Каиштанова-Ерофеева*
Макет и вёрстка: *Г. В. Каиштанова-Ерофеева*

Подписано в печать 23.03.2010 г. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 5,6.
Уч.-изд. л. 5,96. Тираж 300 экз. Заказ № 8407.

Отпечатано с электронной версии заказчика в ФГУП «Издательство
и типография газеты «Страж Балтики» МО РФ:
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15.

ISBN 978-5-91728-017-2

Игорь

ЕРОФЕЕВ

**НЕБА ТОНКИЕ
УЗОРЫ**

